УДК 32:316.344.34
DOI: 10.17223/1998863X/58/20

Н.В. Плотичкина

ЦИФРОВАЯ ИНКЛЮЗИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ И ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА[1]

Рассматривается экспликация цифровой эксклюзии и инклюзии. Эвристический потенциал концепта э-инклюзии заключен в преодолении ограниченности бинарной экспланации цифрового раскола. Политика цифровой инклюзии направлена на расширение предложения и стимулирование спроса на ИКТ. Политика предложения актуальна на этапе преодоления цифрового неравенства в градациях доступа; диспаритет в способах, результатах использования онлайн-ресурсов требует реализации политики цифровых навыков.
Ключевые слова: *социальное неравенство, цифровое неравенство, цифровая инклюзия, цифровая эксклюзия, политика цифровой инклюзии.*

Введение

Развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) способствует расширению возможностей пользователей, но также углубляет существующее социальное неравенство [1; 2. P. 304]. Современные исследования цифрового разрыва сфокусированы на выявлении новых механизмов эксклюзии и инклюзии в условиях дигитализации общества. Тема преодоления цифрового диспаритета активно включается в повестку дня акторов публичной политики: значительное число проектов и инициатив ориентировано на создание цифрового инклюзивного общества.

Концептуализация цифровой инклюзии и эксклюзии

Исследование цифрового разрыва выявляет связь между доступом к ИКТ, цифровыми навыками, необходимыми для эффективного использования web-ресурсов, и социальным неравенством [1, 3]. Концепт цифровой инклюзии встраивается в трехградационный дискурс цифрового неравенства на этапе сокращения digital-разрыва первого уровня, несущего в себе исключительно технологические коннотации, и возникновения цифровых расколов второго и третьего уровней, фиксирующих диспаритет в IT-навыках, способах и результатах (возможностях и рисках) использования ИКТ.

Обращение к цифровой инклюзии / эксклюзии позволяет корректировать ограничения дихотомической концептуализации цифрового разрыва: упрощенную бинарную экспланацию неравенства как наличия / отсутствия доступа к онлайн-инфраструктуре; статичный характер цифрового разрыва на фоне динамичности и процессуальности инклюзии и эксклюзии; трудности в идентификации групп риска и выявлении градаций э-инклюзии; отсутствие аналитического внимания к мотивации цифрового не-пользования. Кроме

[1] Статья выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00975 А «Субъективное пространство политики: возможности и вызовы сетевого общества».

того, в научном сообществе начинает наблюдаться транспонирование исследовательских позиций в сторону контекстуальной интерпретации неравенства с учетом местоположения пользователя, сетевых эффектов и влияния соседства [4].

Смысловые коннотации цифрового неравенства и digital-эксклюзии различны. В отличие от цифрового неравенства, фиксирующего различия в цифровых навыках, практиках использования web-технологий и возникающих на их основе преимуществах, эксклюзия указывает на невыгодную социальную позицию (положение) в континууме цифрового неравенства. В итоге градации неравенства охватывают весь спектр позиций между полной эксклюзией и полной инклюзией, продуцируют различные уровни цифровой инклюзии / эксклюзии: глубокий, широкий и концентрированный («точечный») [5. P. 19].

Цифровая эксклюзия – социально неблагоприятное положение (с точки зрения образования, квалификации, трудоустройства и т.д.) вследствие отсутствия / нехватки доступа, цифровых навыков, мотивации, ощутимых результатов от использования ИКТ, специфики социального статуса. Самостоятельное преодоление воздействия механизмов цифровой и социальной эксклюзии затруднено.

На макроуровне цифровая эксклюзия означает отсутствие доступа к ресурсам интеграции в сетевое общество в силу структурных ограничений; в этом ракурсе релевантным для понимания эксклюзии становится термин «дискриминация». На микроуровне выявляется специфика жизненной ситуации носителей цифровой эксклюзии, описываемая как *цифровая депривация* [6].

В отличие от абсолютной (отсутствие фиксированных индикаторов э-инклюзии) *относительная объективная цифровая эксклюзия* (депривация) отражает результаты сопоставления навыков, мотивации, онлайн-дивидендов индивидов с объемами цифровых ресурсов других групп. Объективное цифровое неравенство имеет следствием *относительную субъективную цифровую депривацию*, когда в ходе самооценки и сравнения с референтными группами, активно осваивающими ИКТ, индивиды (не-пользователи) считают себя ущемленными, ощущают свою «онлайн-изолированность», отсутствие возможностей, доступных иным членам общества, признают пользу от обладания цифровыми ресурсами, несправедливость неравенства и стремятся преодолеть ситуацию.

Зонтичный термин «цифровая инклюзия» *(э-инклюзия)* возник посредством категориального синтеза «цифрового неравенства» и «социальной инклюзии» [7. P. 48] и обозначает социально выгодную позицию, достигнутую вследствие успешного освоения цифровых технологий на основе воздействия механизмов социальной инклюзии, способствующую расширению участия в жизни общества.

Концептуальная модель «соответствующих полей» Э. Хелспер объясняет, как социальная и цифровая инклюзия осуществляют взаимное влияние через присущие им онлайн- и офлайн-поля социальных, экономических, культурных, личных ресурсов [1]. Поля офлайн-ресурсов социальной инклюзии детерминируют релевантные поля онлайн-ресурсов цифровой инклюзии и наоборот. Э. Хелспер установила два типа причинно-следственных связей: от офлайн-полей социальной инклюзии к онлайн-полям э-инклюзии, обусловленным доступом (к инфраструктуре и оборудованию), навыками, моти-

вацией к использованию ИКТ; от цифровых полей к офлайн-полям, определяемым параметрами использования цифровых ресурсов (релевантность, устойчивость, автономность). Модель предлагает одномерную и прямолинейную корреляцию инклюзий, основывается на методологическом индивидуализме. Наряду с исследовательским фокусом на офлайн- и онлайн-полях детальная экспликация связей между ресурсами расширит понимание ковариации социальной и цифровой эксклюзии.

Я. ван Дейк, А. ван Дерсен, А. Шеердер суммировали социально-демографические факторы достижения ощутимых результатов в каждом из онлайн- и офлайн-полей инклюзии, выделенных Э. Хелспер: возраст, пол, статус занятости, уровень образования [8]. В целом научным сообществом выделяются следующие ключевые цифровые предикторы э-инклюзии: доступ, цифровые навыки, мотивация, социальная поддержка, опыт, автономность использования, самоэффективность (доверие) [9. P. 6].

В качестве приоритетных целевых групп публичной политики э-инклюзии традиционно рассматриваются наиболее уязвимые группы населения с низким уровнем образования, дохода, ограниченными возможностями, мигранты, пенсионеры, сельские жители.

Бельгийские исследователи предложили более детальную идентификацию цифровых эксклюзантов [5]. Модель включает восемь профилей пользователей, охватывающих весь континуум цифрового неравенства: цифровые изгои, «безнадежно нецифровые», борцы с цифровыми барьерами, «широко онлайн включенные», цифровые звезды, неожиданные digital-мастера, цифровые аутсайдеры, «цифровые самоизолированные». Профили построены в соответствии с факторами социального риска (доход, образование, участие, агентность). Кроме того, исследователи включили влияние цифровых барьеров (доступ, мотивация, цифровые компетенции, гибкие навыки, автономность, социальная поддержка). Модель подчеркивает, что действие механизмов цифровой эксклюзии выходит за пределы социально и экономически уязвимых групп. В итоге политика цифрой инклюзии должна учитывать все позиции в континууме цифрового неравенства, предоставлять каждому возможности и компетенции, позволяющие сделать осознанный цифровой выбор.

Политика цифровой инклюзии

Политика цифровой инклюзии включает в себя комплекс мер, инициатив, стратегий, используемых для преодоления действия механизмов социальной и цифровой эксклюзии с целью обеспечения полноценного участия индивидов в жизни сетевого общества (табл. 1).

Ковариация социальной и цифровой эксклюзии влияет на формулирование целей политики э-инклюзии: устранение цифровых барьеров (в доступе, навыках, мотивации, использовании) и социальных механизмов отчуждения, формирование необходимых цифровых компетенций, предоставление поддержки, расширение прав и возможностей свободного и осознанного цифрового выбора в отношении использования ИКТ [2. P. 304].

К. Мори описывает три подхода к дискурсам и практикам цифровой инклюзии: понимание политики цифровой инклюзии как направления политики цифровой экономики; е-инклюзия как инструмент социальной инклюзии; цифровая инклюзия как ресурс многопланового развития [7. P. 49].

Таблица 1. **Экспланация политики цифровой инклюзии**

Источник	Определение
Министерство цифровых технологий, культуры, медиа и спорта Великобритании; правительственная стратегия цифровой инклюзии (2014), национальная цифровая стратегия (2017) [10]	Политика цифровой инклюзии направлена на решение проблем отсутствия доступа к интернету, совершенствование навыков, развитие мотивации и формирование позитивного отношения к технологиям
Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), «Digital Economy Outlook 2017» [11]	Политика цифровой экономики рассматривается в четырех направлениях: доступ; навыки и использование; цифровые инновации; цифровые риск и доверие; политика э-инклюзии взаимосвязана с политикой в области цифровой экономики
Лондонская школа экономики и политических наук (ЛШЭ), департамент медиа и коммуникаций; проект DiSTO («Digital Skills to Tangible Outcomes»), (Э. Хелспер, А. ван Дерсен и др.) [12. P. 139–140]	Политика э-инклюзии включает инициативы, связанные с расширением инфраструктуры / доступа, формированием навыков, осведомленности / мотивации, вовлеченностью / участием и использованием цифрового контента. Цифровая инклюзия должна давать ощутимые результаты. Э-инклюзия – это устойчивое взаимодействие индивида с ИКТ, обеспечивающее полноценную интеграцию в жизнь общества
Австралийский индекс цифровой инклюзии (Мельбурнский королевский технологический университет, Центр социального воздействия Технологического университета Суинберна, Roy Morgan Research, Telstra Corporation Ltd) [13]	Индикаторы политики цифровой инклюзии: наличие подключения к интернету, ценовая доступность ИКТ, цифровые способности (мотивация, компетенции, онлайн-активность, уверенность в использовании цифровых устройств). Индекс учитывает социально-экономические и социально-демографические барьеры инклюзии (доход, статус занятости, образование, пол, возраст, территория проживания, инвалидность)
Индекс цифровой инклюзии: многофокусный подход (С. Бентивенья, П. Герриери) [14. P. 639]	Основные цели индекса заключаются в отслеживании прогресса в развитии ИКТ, а также в мониторинге уровня развития э-инклюзии. Аналитическая структура, лежащая в основе индекса, включает три компонента (доступ, использование, влияние на качество жизни) и 12 субиндексов: ценовая / технологическая доступность подключения к сети; использование интернета: автономность, интенсивность, навыки; продвижение цифровых услуг в сфере образования, здравоохранения, трудоустройства и т.д.

В рамках горизонтального проекта *Going Digital* ОЭСР предложила инструментарий для разработки и реализации цифровой политики по семи направлениям: инфраструктура, использование ИКТ, инновации, рабочие места, *социальная и цифровая инклюзия,* доверие, открытость рынка в цифровой бизнес-среде [15]. В итоге национальная стратегия цифровых трансформаций может быть дополнена и конкретизирована стратегиями, программами, дорожными картами в сферах цифровой экономики, широкополосной связи, цифровой безопасности и конфиденциальности, инноваций, цифровых навыков, рабочих мест.

Преодоление цифровой эксклюзии требует комплексного управленческого подхода, подразумевающего структурное партнерство, эффективную координацию между различными секторами политики, влияющими на цифровую трансформацию, принятие политических мер на разных уровнях (международном, местном сообществ, региона, страны) [15. P. 50]. Структурные инициативы и пилотные проекты э-инклюзии интегрированы в более широкие устойчивые политики в сфере инноваций, образования, здравоохранения, рынка труда, налогообложения, социальной защиты и т.д., что требует участия различных стейкхолдеров [16. P. 257–258]. Правительство выступает

в качестве разработчика политики и правил, стратегического инвестора в цифровые технологии; частные компании способствуют развитию инфраструктуры и созданию приложений; государственные учреждения и организации гражданского общества сосредоточены на внедрении обучающих программ для уязвимых целевых групп. Центральным компонентом данного «пакета» скоординированных политических мер являются инициативы по развитию цифровых навыков. В ходе их разработки страны ЕС ориентируются на эталонные модели цифровых компетенций граждан (*DigComp*), преподавателей *(DigCompEdu*), образовательных организаций (*DigCompOrg*), предложенные Европейской комиссией (табл. 2).

Таблица 2. **Международные исследования цифровых навыков [17. P. 44]**

Показатель	DISTO	DigComp	МСЭ	Eurostat	ICILS
Операционные (технические) навыки					
Знание кнопок (button knowledge)	V		V		
Техническое понимание					V
Программирование	V		V		V
Информационные навыки					
Навигация	V			V	
Оценка	V	V			V
Управление					V
Социальные навыки					
Управление	V	V		V	V
Сетевой этикет	V				
Творческие навыки					
Развитие	V	V		V	V
Знания	V				
Ощутимые результаты (получаемые в ходе применения ИКТ)	Экономические, социальные, культурные, личные	Решение проблем, безопасность		Решение проблем	Безопасное и надежное использование информации

В качестве строительных блоков политики э-инклюзии выступают: межсекторное партнерство; сочетание адресного подхода к уязвимым группам с охватом всех граждан; развитие телекоммуникационной инфраструктуры, цифровых компетенций и сетей поддержки; разработка ориентированного на пользователя дизайна сайтов цифровых государственных услуг, сервисов, устройств; мониторинг политики, сбор данных о цифровых навыках населения.

Политика цифровой инклюзии включает комплекс мер, стимулирующих предложение и спрос на цифровые технологии. Цифровая политика предложения, ориентированная на внедрение и расширение доступа к приемлемым в ценовом отношении сетям, услугам и приложениям фиксированной и подвижной широкополосной связи, дополняется политикой спроса, или политикой в сфере цифровой грамотности [16. P. 13].

В большинстве стран дефицит цифровой инфраструктуры преодолевается посредством принятия национального плана действий в области широкополосной связи. В соответствии с рекомендациями ОЭСР политика в сфере доступа реализуется посредством мероприятий по стимулированию инвестиций в расширение охвата подключения, усилению конкуренции на рынке связи, совместному использованию сетевой инфраструктуры поставщиками услуг [15. P. 6–10].

Подобная стратегия в основном направлена на сокращение неравенства в доступе [3], но не решает проблему разрыва между развитием инфраструктуры ИКТ и потребностями пользователей в достижении ощутимых результатов. Инфраструктурная политика, реализуемая посредством поддержки операторов электросвязи, поставщиков цифровых услуг, распространения широкополосных соединений, необходима, но не достаточна для достижения цифровой инклюзии всех групп населения. Политика предложения (расширение диапазона охвата телекоммуникационной инфраструктурой) актуальна на этапе преодоления цифрового разрыва (первого уровня) в градациях доступа; диспаритет в способах и результатах использования web-ресурсов требует иных политических мер.

Стимулирование спроса активизирует использование широкополосной инфраструктуры. Политика спроса включает инициативы по повышению осведомленности о преимуществах ИКТ, повышению доверия к онлайн-среде, продвижению доступных широкополосных сетей, услуг и приложений, в том числе тех, которые вызывают спрос на широкополосную связь: электронных правительства, образования и здравоохранения, мобильных банкинга, коммерции, платежей. Так, Национальный альянс цифровой инклюзии США ежегодно проводит *Digital Inclusion Week*, Европейская комиссия – *Code Week*, МСЭ – *Girls in ICT*. Цель подобных инициатив – развитие интереса к цифровым инновациям.

Кроме того, политика в сфере пользования и навыков направлена на финансовую поддержку фирм (преимущественно инновационных), граждан в расходах на приобретение ИКТ, обучение цифровой грамотности, создание общественных точек доступа к интернету, оснащение образовательных учреждений компьютерным оборудованием, электронными учебными материалами, широкополосной связью. Например, с мая 2019 г. в рамках проекта «DigitalPakt Schule» федеральное правительство Германии выделило 5 млрд евро на внедрение IT-инфраструктуры в 40 тыс. школ. Четверть стран ОЭСР реализуют политику э-инклюзии, ориентированную на формирование цифровых компетенций в «невидимых» группах пользователей; государственная финансовая поддержка приобретения оборудования или услуг ИКТ малоимущими семьями осуществляется в форме субсидирования, налоговых преференций (Бразилия, Польша, Дания, Австрия, Китай, Коста-Рика, Израиль и т.д.) [11. P. 66]. Проект *ConnectHomeUSA*, созданный на основе ГЧП в 27 городах США, ориентирован на предоставление доступа к широкополосной связи, обучение цифровой грамотности низкодоходных слоев. В Канаде действует аналогичная программа *Affordable Access*. При этом политика цифровой инклюзии в отношении маргинальных групп нацелена прежде всего на их социальную инклюзию, а уже потом на преодоление цифрового разрыва.

Недоверие к технологиям может стать барьером на пути осуществления цифровых транзакций. Правительства ряда стран совместно с частным сектором и научным сообществом осуществляют широкий спектр инициатив, направленных на преодоление диспаритета навыков в сфере цифровой безопасности и конфиденциальности (США, Люксембург, Франция, Великобритания и т.д.).

В реализации комплексной политики обеспечения спроса и предложения цифровых технологий и услуг участвуют различные стейкхолдеры. Обще-

ственные организации *Good Things Foundation* (Великобритания), *We-TechCare* (Франция) разработали бесплатные платформы для онлайн-образования *Learn My Way* и *Les Bons Clics*. В Болгарии в рамках Национальной стратегии непрерывного обучения (2014–2020 гг.) публичные библиотеки формируют цифровые компетенции граждан. Телекоммуникационная компания *BT* совместно с *Google Digital Garage* под эгидой проекта *Skills for Tomorrow* с 2020 г. на бесплатных тренингах развивает навыки работы с большими данными и социальными медиа в британской бизнес-среде. Африканский банк развития и *Microsoft* запустили цифровую образовательную платформу *Coding for Employment*. Ассоциация органов МСУ Великобритании предоставляет финансовую поддержку различным местным инициативам по электронной инклюзии. Французская компания *Capgemini* открыла цифровые академии в Марокко, Индии, Северной Америке, Испании, Нидерландах и Великобритании.

Успех цифровых трансформаций требует партнерства государства с технологическим и научным сообществом, образовательными учреждениями, НКО и т.д. [18]. С 2020 г. после подписания меморандума о сотрудничестве с правительством Нигерии компания *IBM* бесплатно обучает цифровой грамотности местное население. В 2020 г. Министерство связи и информационных технологий Египта и *Assistive Technology Development Organization* (Япония) организовали совместный центр по обмену результатами НИОКР в области искусственного интеллекта, робототехники, интернета вещей для охвата цифровыми технологиями людей с ограниченными возможностями.

Международное сотрудничество различных стейкхолдеров способствует расширению широкополосной связи и формированию цифровой грамотности, обмену информацией об извлеченных уроках и мерах по усовершенствованию цифровых знаний. Образовательная программа *iMlango*, финансируемая британским департаментом международного развития, помогла 180 тыс. ученикам 245 школ Кении получить доступ к сетевой инфраструктуре, образовательным онлайн-услугам. Инициатива Всемирного экономического форума *Internet for All*, объединяющая 56 представителей государственного и частного сектора различных стран, содействует цифровой инклюзии населения Руанды (*Rwanda's Digital Ambassadors Program*), Южной Африки, Аргентины, Иордании. ЮНЕСКО и *Huawei* развивают цифровые навыки студентов и преподавателей Восточной Африки (проект *TECH4ALL*).

Понимание состояния цифровой эксклюзии в стране требует комплексного мониторинга реализации политики э-инклюзии. Государства оценивают эффективность принятых мер посредством международных показателей (I-DESI Еврокомиссии, IDI МСЭ, DECA, KEI Всемирного банка и т.д.) либо национальных сводных индексов (D21-Digital-Index в Германии, Индекс цифровой инклюзии в Австралии, Индекс развития цифровой экономики в России, Digital Divide Index Южной Кореи). В странах ОЭСР индикаторами действенности национальных цифровых стратегий являются: развитие IT-инфраструктуры, э-правительства, э-коммерции, освоение населением ИКТ, развертывание доступных и качественных государственных и муниципальных электронных услуг, высокий уровень цифровой грамотности граждан [16. P. 259]. Спрос и предложение цифровых навыков могут быть измерены на основе методики, разработанной в рамках проекта PIAAC по

международной оценке компетентности взрослых [11. P. 176–177]. Правительством Канады запущена инициатива *Future Skills* с целью разработки новых подходов к выявлению навыков, пользующихся спросом на рынке труда, и способов повышения эффективности образовательных программ [16. P. 241]. Британский альянс по развитию профессиональных компетенций *The Tech Partnership* и Лондонская школа экономики и политических наук разработали тепловую карту э-инклюзии, прогнозный географический индекс с учетом цифровых (доступ, инфраструктура, навыки) и социальных переменных (возраст, образование, доход, здоровье).

В целом комплексная политика цифровой инклюзии ориентирована на обеспечение баланса между предоставлением универсального доступа к цифровым технологиям и формированием условий для получения ощутимых дивидендов от их применения. Политика предложения расширяет сетевую инфраструктуру цифровых сервисов, политика спроса повышает осведомленность и принятие услуг. При этом политика цифровой инклюзии должна включать: определение желаемых результатов социальной инклюзии, потенциальных эксклюзантов, выявление того, в какой степени цифровая эксклюзия препятствует достижению уязвимыми группами цифровых преимуществ, реализацию и мониторинг эффективности инициатив по охвату цифровыми технологиями.

Заключение

Первоначальная дихотомическая интерпретация цифрового неравенства, сфокусированная на физической доступности устройств и соединений, предлагала решение проблемы цифрового разрыва путем создания телекоммуникационной инфраструктуры. На волне «социологического поворота» в экспликации новых форм неравенств изучение цифрового раскола выходит «за пределы» доступа, не являющегося гарантией применения web-устройств. В современных исследованиях происходит смещение аналитических интенций от неравенства в техническом доступе, уровнях IT-компетенций к диспаритету в видимых социальных (положительных и отрицательных) результатах, которые достигаются благодаря подключению к сети и наличию навыков использования цифровых технологий.

Инициативы политики цифровой инклюзии направлены на то, чтобы предложить каждому инструментарий, необходимый для успешного трудоустройства, непрерывного обучения, гражданского и культурного участия и доступа к основным услугам. Преодоление цифровых барьеров на пути к технологиям имплементируется в процесс достижения более широких социальных задач. Цель политики цифровой инклюзии – создать условия, которые позволяют пользователям преобразовывать доступ к технологиям в информацию и ресурсы.

Литература

1. *Helsper E.J.* A corresponding fields model for the links between social and digital exclusion // Communication theory. 2012. Vol. 22, № 4. P. 403–426.

2. *Mariën I., Van Audenhove L.* Digitale inclusie: het middenveld als structurele partners // Armoede en sociale uitsluiting / ed. by D. Dierckx, S. Oosterlynck, J. Coene, A.Van Haarlem. Leuven : Acco, 2012. P. 317–332.

3. *Ragnedda M., Muschert G.W.* Theorizing digital divides. London : Routledge, 2018. 218 p.

4. *Helsper E.J.* Why location-based studies offer new opportunities for a better understanding of socio-digital inequalities? // Desigualdades digitais no espaco urbano: um estudo sobre o acesso e o uso da internet na cidade de Sao Paulo. Sao Paulo: Comitê Gestor da Internet no Brasil, 2019. P. 19–42.

5. *Mariën I., Baelden D.* 8 Profielen van Digitale Ongelijkheden. Onderzoeksrapport voor het federale onderzoeksproject // IDEALiC.be. Brussel : Vrije Universiteit Brussel, 2015. URL: https://www.idealic.be/ publications (accessed: 12.04.2020).

6. *Helsper E.J.* The social relativity of digital exclusion: applying relative deprivation theory to digital inequalities // Communication Theory. 2017. Vol. 27, № 3. P. 223–242.

7. *Mori C.K.* Digital inclusion: are we all talking about the same thing? // ICTs and sustainable solutions for the digital divide: theory and perspectives / ed. by J. Steyn, G. Johanson. New York : Information Science Reference, 2011. P. 45–64.

8. *Scheerder A., van Deursen A., van Dijk J.* Determinants of Internet skills, uses and outcomes. A systematic review of the second-and third-level digital divide // Telematics and Informatics. 2017. Vol. 34, № 8. P. 1607–1624.

9. *Digital* inclusion: an international comparative analysis. Communication, globalization, and cultural identity / ed. by M. Ragnedda, B. Mutsvairo. Lanham, Maryland : Lexington Books, 2018. 244 p.

10. *Government* UK. UK Digital Strategy 2017 // GOV.UK. URL: https:// www.gov.uk/government/publications/ uk-digital-strategy/uk-digital-strategy (accessed: 12.04.2020).

11. *OECD* Digital Economy Outlook 2017 [Electronic resource] // OECD iLibrary : site – Paris: OECD Publishing, 2017. URL: http://dx.doi.org/ 10.1787/9789264276284-en (accessed: 12.04.2020).

12. *Helsper E., van Deursen A.* Digital skills in Europe: research and policy // Digital divides: the new challenges and opportunities of e-inclusion / ed. by K. Andreasson. Hoboken : CRC Press, 2015. P. 125–149.

13. *Telstra,* RMIT University, Swinburne University of technology, Roy Morgan. The Australian Digital Inclusion Index 2019. URL: https://digitalinclusionindex.org.au/ the-index-report/ report (accessed: 12.04.2020).

14. *Al-Muwil A., Weerakkody V., El-haddadeh R., Dwivedi Y.* Balancing Digital-By-Default with Inclusion: A Study of the Factors Influencing E-Inclusion in the UK // Information Systems Frontiers. 2019. № 21. P. 635–659. DOI: 10.1007/s 10796-019-09914-0

15. *OESD.* Going Digital integrated policy framework. OECD Digital Economy Papers // OECD iLibrary : site – № 292. Paris : OECD Publishing, 2020. URL: https://doi.org/10.1787/dc930adc-en (accessed: 12.04.2020).

16. *OECD* Skills Outlook 2019: Thriving in a Digital World // OECD iLibrary : site – Paris: OECD Publishing, 2019. URL: http:// https://doi.org/10.1787/df80bc12-en (accessed: 12.04.2020).

17. *International* Telecommunication Union. Measuring the Information Society. Report 2018 [Electronic resource]. Vol. 1. Geneva : ITU, 2018. URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/misr2018/ MISR-2018-Vol-1-E.pdf (accessed: 12.04.2020).

18. *Плотичкина Н., Морозова Е., Мирошниченко И.* Цифровые технологии: политика расширения доступности и развития навыков использования в Европе и России // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 4. С. 70–83. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-4-70-83

Natalia V. Plotichkina, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation).

E-mail: oochronos@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 58. pp. 216–226.

DOI: 10.17223/1998863X/58/20

DIGITAL INCLUSION: THEORETICAL REFLECTION AND PUBLIC POLICY

Keywords: social inequality; digital inequality; digital inclusion; digital exclusion; digital inclusion policy.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-011-00975.

This article is dedicated to the explication of digital exclusion and inclusion. The heuristic potential of the e-inclusion concept lies in the overcoming of such a limitation as a binary explanation of digital division. Three levels of digital inequality were distinguished in western studies: in access,

methods and outcomes of ICT use (M. Ragnedda, E. Hargittai, A. van Deursen, J. van Dijk, E. Helsper). Operationalization of digital inclusion reflects focusing of research lenses on differences in the degree and quality of engagement in ICT. Digital inclusion and exclusion mark social positions in the continuum of digital inequality. Mechanisms of exclusion operate on micro-, meso-, and macro-levels. The concept of relative digital deprivation takes into account the differences between absolute and relative, objective and subjective digital exclusion. Scientific approaches of digital and social exclusion covariance (I. Mariën, L. Van Audenhove, E. Helsper) are described. Practices of exclusion/inclusion are realized in four fields (economic, cultural, social, and individual), which have two perspectives: online and offline. Predictors of exclusion, including digital (access, skills, motivation, etc.), socioeconomic and demographic variables, are characterized. For the detection of risk groups, it is necessary to consider the functioning of digital exclusion mechanisms which transcend socially and economically vulnerable strata. The corner stones for the policy of e-inclusion are inter-sector partnership; combination of a targeted approach to vulnerable strata with inclusion of all citizens; development of telecommunication infrastructure, digital competence, and networks of support; designing of e-government sites, devices and services oriented towards users; monitoring of policy; collecting data concerning people's digital skills. The policy of digital inclusion is directed at the extension of supply and stimulation of demand for ICT. The policy of supply is relevant at the stage of overcoming digital inequality in access gradations. Disparity in methods and outcomes of ICT use demands implementation of digital skills policy.

References

1. Helsper, E.J. (2012) A corresponding fields model for the links between social and digital exclusion. *Communication Theory*. 22(4). pp. 403–426. DOI: 10.1111/j.1468-2885.2012.01416.x

2. Mariën, I. & Van Audenhove, L. (2012) Digitale inclusie: Het middenveld als structurele partners. In: Dierckx, D., Oosterlynck, S., Coene, J. & Van Haarlem, A. (eds) *Armoede en sociale uitsluiting*. Leuven: Acco. pp. 317–332.

3. Ragnedda, M. & Muschert, G.W. (2018) *Theorizing Digital Divides*. London: Routledge.

4. Helsper, E J. (2019) Why location-based studies offer new opportunities for a better understanding of socio-digital inequalities? In: *Desigualdades digitais no espaco urbano: um estudo sobre o acesso e o uso da internet na cidade de Sao Paulo.* Sao Paulo: Comitê Gestor da Internet no Brasil. pp. 19–42.

5. Mariën, I. & Baelden, D. (2015) *8 Profielen van Digitale Ongelijkheden.Onderzoeksrapport voor het federale onderzoeksproject IDEALiC.be.* Brussel: Vrije Universiteit Brussel. [Online] Available from: https://www.idealic.be/ publications. (Accessed: 12th April 2020).

6. Helsper, E.J. (2017) The social relativity of digital exclusion: applying relative deprivation theory to digital inequalities. *Communication Theory*. 27(3). pp. 223–242. DOI: 10.1111/comt.12110

7. Mori, C.K. (2011). Digital inclusion: are we all talking about the same thing? In: Steyn, J. & Johanson, G. (eds) *ICTs and Sustainable Solutions for the Digital Divide: Theory and Perspectives*. New York: Information Science Reference. pp. 45–64.

8. Scheerder, A., van Deursen, A. & van Dijk, J. (2017) Determinants of Internet skills, uses and outcomes. A systematic review of the second-and third-level digital divide. *Telematics and Informatics*. 34(8). pp. 1607–1624. DOI: 10.1016/j.tele.2017.07.007

9. Ragnedda, M. & Mutsvairo, B. (eds) (2018) *Digital inclusion: an international comparative analysis. Communication, globalization, and cultural identity*. Lanham, Maryland: Lexington Books.

10. The UK Government. (2017) *UK Digital Strategy 2017*. [Online] Available from: https:// www.gov.uk/ government/publications/uk-digital-strategy/uk-digital-strategy. (Accessed: 12th April 2020).

11. OECD. (2017) *OECD Digital Economy Outlook 2017*. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/ 97892 64276284-en

12. Helsper, E. & van Deursen, A. (2015) Digital skills in Europe: research and policy. In: Andreasson, K. (ed.) *Digital divides: the new challenges and opportunities of e-inclusion*. Hoboken: CRC Press. pp. 125–149.

13. Telstra, DERC at RMIT University, CSI at Swinburne University of technology, Roy Morgan. (2019) *The Australian Digital Inclusion Index 2019*. [Online] Available from: https://digitalinclusionindex.org.au/ the-index-report/report. (Accessed: 12th April 2020).

14. Al-Muwil, A., Weerakkody, V., El-haddadeh, R. & Dwivedi, Y. (2019) Balancing Digital-By-Default with Inclusion: A Study of the Factors Influencing E-Inclusion in the UK. *Information Systems Frontiers*. 21. pp. 635–659. DOI: 10.1007/s 10796-019-09914-0

15. OESD. (2020) *Going Digital integrated policy framework*. OECD Digital Economy Papers. №292. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/dc930adc-en

16. OECD. (2019) *OECD Skills Outlook 2019: Thriving in a Digital World*. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/df80bc12-en

17. International Telecommunication Union. (2018) *Measuring the Information Society*. Report 2018. Vol. 1. Geneva: ITU, 2018. [Online] Available from: https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/ publications/ misr2018/ MISR-2018-Vol-1-E.pdf. (Accessed: 12th April 2020).

18. Plotichkina, N., Morozova, E. & Miroshnichenko, I. (2020) Digital technologies: policy for improving accessibility and usage skills development in Europe and Russia. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations.* 4(64). pp. 70-83. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-4-70-83